

**АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ КАНТА
ДЛЯ БЕЛОРУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

В 2024 году в связи с трехсотлетием со дня рождения Канта философы всего мира поставили вопрос об актуальности кантовского наследия, а также о том, как именно стоит актуализировать Канта, – то ли обновлять его идеи (создавая нечто вроде второй волны неокантианства), то ли использовать его рефлексии как мотив для собственных творческих разработок. В данной статье попробуем понять, какие границы и возможности есть у Канта для современной белорусской диалогической традиции. Это, разумеется, образ в известной мере лишь субъективный, однако в современной диалогической философии считается, что всякая интересубъективность возможна лишь как произрастающая из субъективности (хотя в ней и обнаруживается некоторый протосубъективный исток, например, такой, как «коллективное бессознательное» или «общественное сознание»).

Обращение к изучению значения Канта для диалогической философии Беларуси актуально не только потому, что я являюсь ее сторонником (хоть это и помогает мне изнутри увидеть возможности и границы кантовской философии в отношении диалогизма), но и потому, что, по моему мнению, эта традиция – одна из самых сильных и сохраняющих большой потенциал традиций философии в Беларуси. Безусловно, диалогическая философия

в Беларуси никогда не «звучала» так сильно, как схоластика и православное славянофильство, диалектический материализм или философская школа методологии науки. Однако, оставаясь на втором плане и по большей части вне ярких манифестаций, диалогическая философия играла роль несущего основания интеллектуального развития именно потому, что представление о значимости философских дискуссий разделялось большинством философов, даже когда они были вынуждены в силу политических ситуаций декларировать обратное. Конечно, это происходило не потому, что в самой сердцевине белорусской традиции вызревали какие-то особые представления, – философия по сути своей диалогична, и занятия ею даже при ее искажении, тем не менее, приводят к некоторой диалогизации интеллектуального пространства (в сравнении с эффектом, производимым религией). И сегодня, когда ряд продолжателей традиции диалогизма разочарованы в ней или считают ее исчерпанной, идеи о значении дискуссий для развития философии остаются не только практически актуальными, но и разделяемыми большинством философов.

Для того, чтобы говорить об актуальном значении Канта для диалогической философии в Беларуси, стоит вначале прояснить вопрос его важности для истории развития философии в Беларуси вообще. Не рискуя составлять конкуренцию историкам философии, посвятившим данному вопросу свои исследования [1; 2; 3; 4], среди них стоит выделить монографию, в которой образ влияния Канта на белорусскую интеллектуальную традицию представлен системно [5], ограничимся несколькими обобщающими замечаниями, касающимися лишь аспекта диалогической традиции.

Как и во всяком другом интеллектуальном пространстве, в Беларуси отношение к Канту отражало особенности истории культуры и общества. Поскольку первый этап влияния Канта на белорусскую культуру происходил в эпоху господства религиозной философии, то важнейшим аспектом было то, как именно религиозные философы оценивали выражение Кантом идеологии Просвещения и как они вообще относились к этой идеологии. Религиозные философы православия и католичества резко критиковали Просвещение, и вряд ли можно было ожидать от них другого отношения к антиклерикальным идеям, к тому же к идеологии, которая привела к Великой французской революции и наполеоновским войнам со всеми их жертвами и преобразованиями реальных политик в отношении церкви. Конечно, не Кант сказал «раздавите гадину» (то есть церковь) и что «человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника». Однако религиозные философы рассматривали идеи Канта как один из символов Просвещения, чреватого революционным радикализмом. К тому же религиозная философия католичества и православия в то время была радикально против вывода Канта о том, что знание о существовании или несуществовании Бога принципиально невозможно. Рассуждения же Канта в его работе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» о возможностях и границах свободомыслия священников прямо

воспринимались как провокация ересей. В протестантских странах (даже в родной для Канта Пруссии) философия религии Канта оказалась под запретом, и более строгие запреты на кантианство имели место во влиятельном в Беларуси католичестве («Критика чистого разума» была внесена в «индекс запрещенных книг»).

Конечно, и на территории Беларуси некоторые интеллектуалы пытались доказать, что кантовская философия отрицает не Бога, а лишь то, что теология представляет собой науку, тем самым освобождая религию от претензии на знание, что позволяет сконцентрироваться на вере. Однако такое ограничение религии в сфере знания не было приемлемым ни для католичества, ни для православия. И в той, и в другой конфессии считалось и считается, что истинное знание – в религии, теология же – высшая из наук, которой все прочие должны подчиняться, поскольку знание в них носит лишь частичный и проблематический характер.

Что же касается философии, то она воспринималась как относительно полезная лишь в случае, если подтверждала авторитет церкви. Относительность тут связана как с образом самодостаточности религии (ее самодержавие не требует поддержки ни от каких других форм культуры), так и с недоверием к рациональности вообще (доверие к разуму, подтверждающему веру сегодня, может вылиться в доверие ему завтра, когда он ее опровергнет). Католичество и православие с еще большим подозрением смотрят на философию как возможного конкурента теологии в руководстве науками и доминирующим мировоззрением общества.

Русское православие отличалось и отличается крайне жестким отношением к философии, причиной чего является память о том, что она использовалась для обоснования репрессий в отношении христианства в античности, а затем и в советский период. Некоторое ослабление жесткости отношения происходило лишь в начале XX века в ходе распространения так называемого «богоискательства», не потому, что это явление рассматривалось как перспективное с точки зрения модернизации Русской православной церкви, а поскольку оно предопределяло церковную социализацию интеллигенции, которая в противном случае вставала на антиклерикальные позиции. Православное славянофильство еще более отрицательно относилось к Канту и немецкой философии в целом, поскольку тут добавлялось еще и негативное отношение к иноземным культурным влияниям.

В католичестве более мягкое отношение к философии восходит к средневековой концепции двух путей к истине (для нее утвердилось не вполне удачное название – «двойственная истина»). Согласно этой концепции считается, что науки и философия истинны в той мере, в какой они представляют окольный путь к Богу. Они познают творение Бога, а это подтверждает истинность прямого пути к Богу – откровения, то есть религии. В том же, в чем философия противоречит религии, она нивелируется.

Кажется, что Кант идет именно этим путем, разграничивая пути религии и науки, там самым создавая возможность для преодоления многочисленных проблем, связанных с их взаимодействием. Например, коллизия «церковь

против гелиоцентрической модели» у него оказывается легко решаемой (поскольку религия не наука, она не может утверждать истинность или ложность какого бы то ни было описания устройства вещественного мира). Однако в то же время следует вспомнить, что во времена Канта католичество все еще запрещало гелиоцентрическую модель (вернее, она допускалась лишь как формализм для расчета движения небесных тел, который не имеет отношения к действительному положению вещей). И тем более католичество не собиралось ограничивать свое доминирующее влияние на научную жизнь (разумеется, в тех странах, в которых оно сохранялось).

Это обосновывалось тем, что отказ религии подчинять себе науку вылился бы в усиление влияния науки на общественное мировоззрение в условиях, когда это влияние и так быстро росло в ходе Просвещения и успехов индустриальной революции. В определенной мере эффект этого разделения функций науки и религии можно увидеть в современных западных обществах, где широко распространено мнение, что наука решает проблемы, а религия – нечто вроде хобби или бюджетного замещения профессиональных психологов.

К тому же принятие господствовавших тогда научных описаний мира делало неприемлемыми многие догмы христианства. Например, христианский образ сотворения мира, в котором свет был создан раньше звезд, сегодня прямо соответствует теории Большого взрыва. Однако в XIX в. этот религиозный образ казался совершенно абсурдным, исходя из небулярной концепции происхождения мира, которую, кстати говоря, предложил сам Кант (первоначальное скопление частиц по законам небесной механики образовывало вихри, наиболее плотные из которых (звезды) порождали свет). Следует также учитывать влияние нашедшей самое широкое распространение ярко антиклерикальной истории о развивавшем небулярную концепцию Пьере-Симоне Лапласе, – он на вопрос Наполеона, какое место занимает Бог в этой концепции, ответил «В этой гипотезе я не нуждался».

Фактически, ограничивая свое влияние на науку, церковь должна была бы постоянно переписывать религиозные догмы в соответствии с новейшими научными открытиями. Практически такую ситуацию мы также наблюдаем в современных западных обществах, где, например, церковь должна объяснять, что идея «сотворения человека из земли» не противоречит концепции возникновения человека от обезьяноподобного предка, поскольку в широком значении слово *земля* обозначает всех живых существ вообще. Ясно, что накопление такого рода периферийных концепций рано или поздно заставляет задуматься о том, не стоит ли отказаться также и от концептуального ядра.

Наконец, стоит отметить и то, что в католическом мире Кант воспринимался несколько враждебно вследствие того, что он был представителем протестантской культуры. В то же время ориентация схоластики на диспуты для более полного уяснения истины содержала в себе явно диалогическую интенцию, способствовавшую знакомству церковных интеллектуалов со все-

ми распространенными философскими концепциями, включая кантовскую. Именно это и сформировало первоначальную основу белорусской рецепции идей Канта.

Совершенно иное отношение к Канту стало доминирующим на белорусских землях после установления советской власти. Если до революции Кант рассматривался в основном как чрезмерный вольнодумец, то после нее – как недостаточно передовой мыслитель даже для своего времени. И в Беларуси, и во всем СССР доминировало мнение, что идеи Канта значимы потому, что он «пробудил» Гегеля, а Гегель – Маркса и Энгельса, которые в свою очередь «разбудили» Ленина. Но при этом считалось, что Канта следует подвергать жесткой критике потому, что его философия дает основания для всех, кто всерьез обращается к его наследию (прежде всего для неокантианцев), реабилитировать религию, спекулятивность и придерживаться идеологии социального реформизма, которому в советской философии противопоставлялся идеал социальной революции. Справедливости ради следует отметить, что основания такого отношения к Канту лежат не только в марксизме, но и в традиции эмпиризма, – такого рода критика проявилась еще в XIX в у Яна Снядецкого и Анёла Довгирда [2]).

Подобно ситуации со схоластикой, в советские времена считалось, что изучение философии Канта полезно для умения опровергнуть позицию противоположного идеологического лагеря. Такая ситуация – в значительной степени результат того, что философия Канта благодаря своей взвешенности оказалась как бы «золотой серединой» между экстремальными идеологиями теизма и атеизма, консерватизма и радикального прогрессизма, рационализма и сенсуализма.

Ясно, что, критикуя кантовские концепции, советские философы, как, вероятно, прежде религиозные критики Канта, не могли не отметить удачности этой диалектической по сути позиции философа. Именно поэтому в позднесоветской и постсоветской белорусской философии труды Канта начинают восприниматься как продуктивная альтернатива всякой крайней идеологии, в связи с чем появились исследования, ставившие целью адекватное понимание концепций Канта [6; 7; 8; 9; 10]. Отдельного упоминания заслуживает Татьяна Герардовна Румянцева, которая своими исследованиями [11; 12; 13; 14; 15; 16] завоевала статус главного кантоведа страны, ее многолетние усилия по преподаванию и популяризации философии Канта сформировали целую плеяду оригинальных исследователей его творчества [17; 18; 19; 20]. Некоторые из этих исследователей касаются также тем диалогической философии, однако не в контексте изучения наследия Канта.

В белорусской диалогической философии Канта принято рассматривать как одного из самых монологических философов, и в этом особенной специфики в отношении диалогической философии в целом нет. Белорусские диалогисты чаще пытаются найти возможности диалогизации философии Канта, в чем можно увидеть прежде всего отголосок марксистской традиции (видевшей кантовскую концепцию началом немецкой классической филосо-

фии, а Людвиг Фейербаха с его отчетливо диалогическими прозрениями – концом и непосредственным предтечей философии Маркса). Однако сами по себе концепции Канта не оставляют больших возможностей для диалогической интерпретации, поскольку общий дух кантовской философии состоит в попытке найти однозначно истинную точку зрения в отношении каждого рассматриваемого вопроса (в этом, кажется, проявилась особенность культуры и образовательной системы периода Просвещения).

Значит ли это, что идеи Канта неактуальны для современной диалогической философии? Прежде всего стоит отметить, что концепции Канта, несмотря на их претензии на однозначную достоверность, не были приняты философским сообществом в таком статусе, но провоцировали и все еще провоцируют значимые в интеллектуальной сфере дискуссии, что делает обращение к его философским концепциям актуальным для диалогической философии как минимум в дидактическом плане (для освоения и создания практик ведения диалога). Также следует признать дидактическую важность для диалогической философии самого факта того, что кантовская претензия на однозначную истинность не была принята его последователями. Это, конечно, отнюдь не доказывает полной непродуктивности всякой такого рода попытки вообще, о чем свидетельствует то, что от этой претензии философы после Канта отнюдь не отказались. Но поскольку даже оригинальный и очень интересный по затее проект динамически-синтетической философии продолжателя Канта Георга Гегеля не был принят философским сообществом как действительно однозначно достоверная теория философии, данные факты должны приниматься как подтверждающие неправомочность этой претензии, что значимо для формирования габитуса диалогического философа.

Однако все это – только формальная значимость, а существуют ли содержательно значимые для диалогизма аспекты концепций Канта? При разборе различных его концепций сталкиваемся с тем, что чрезвычайно сложно усмотреть в них что-либо диалогически актуальное по причине фактического отрицания Кантом того понятия личности, на котором строится диалогизм.

В своей работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» Кант прямо заявляет, что различие «моего» и «твоего» базируется на «очень странной логике», по которой «от нашей *воли* зависит, чтобы известное положение было истинно или ложно» [21]. Тем самым получается, что один человек от другого отличается не уникальной полнотой личности, включающей в себя многочисленные элементы биологического и культурного порядков, а лишь каким-то особым проявлением воли.

Трансцендентальные идеалисты действительно видят в человеке некоторый идеальный тип познающей и направляющей деятельности (волящей) машины. Если кто-то не способен освоить ту или иную операцию (или совокупность операций) рационального субъекта, то именно в этом смысле он оказывается лишенным собственно человеческого, тем самым оказываясь в нужде особого попечения, которого требуют, например, дети, люди с труд-

ностями развития, варвары и другие группы индивидов. С этой точки зрения попытка понять ход мыслей такой особи – бесполезная трата ресурсов, которые куда полезнее могут быть направлены на уяснение наилучшего способа заботы о преодолении ее немощи.

Разумеется, сегодня такое понимание человека рассматривается скорее как пережиток идеологии Просвещения, чем как некоторый ориентир. Соответственно, и концепции Канта представляются как локально значимые (обычно из них берется нечто подходящее к конкретному случаю и используется чисто инструментально). Однако некоторый потенциал для диалогизма в философии Канта все же можно увидеть. Дело в том, что нельзя однозначно утверждать, что образ человека у Канта – лишь только трансцендентально-идеалистический. В своих работах он признает двойственность человека, который также представляет собой существо эмпирическое. Эмпирический человек – не просто особый объект среди других объектов в мире. Человек, как он познается в реальном опыте, содержит в себе потенциал реализации трансцендентального субъекта.

Однако трансцендентальный субъект – это только один их аспектов мышления человека эмпирического. В человеке есть и двойственность, и взаимная дополнительность двух сторон существования. Более того – другой человек открывается познанию не только в его чисто феноменальном, но и в сущностном планах (хотя и следует признать, что сущность раскрывается лишь в контексте явления). Диалог – фактически и есть открытие в другом человеке той его инаковости, которая относится к его проявляющейся сути. Стоит отметить и то, что лишь в диалоге мной обнаруживается и собственная подлинная суть в той мере, в какой она проявляется для другого человека. Вне моего проявления для другого моя суть есть лишь проект, который может быть и не реализован.

А если все это действительно так, то следует ограничить притязания Канта на определение сути знания и долженствования только самим субъектом. Скорее само это притязание должно быть осмыслено как проявление конкретно-исторической культуры и связанной с ней экзистенциальной ситуации. В случае этой интерпретации концепции Канта могут быть востребованы как проясняющие важный аспект человеческого существования в современных условиях.

Здесь следует отметить, что последующая история философии развивалась именно в направлении такой коррекции образа философии, – тут можно отметить и шеллинго-гегелевскую диалектику, и иррационалистическую реабилитацию жизни и существования в трудах Артура Шопенгауэра, Серена Кьеркегора, Фридриха Ницше, Вильгельма Дильтея, Анри Бергсона и многих других философов, не исключая и социально-культурологическое ангажирование мысли в марксизме. Фактически диалогизм опирался на все эти пункты устранения монологической иллюзии, которую развивал Кант и начало которой следует, очевидно, искать в рационализме Рене Декарта. Однако сегодня важнее уже не критика монологизма, а понимание того, что в нем

было продуктивного, поскольку вне понимания этого диалогизм вполне может оказаться апологией неопределенности и пассивности. И это чрезвычайно важно для современной белорусской диалогической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Румянцева, Т. Г.* И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 127–149.

2. *Клевченя, А. С.* Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») / А. С. Клевченя // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. – 1981. – № 1. – С. 25–28.

3. *Легчилин, А. А.* Рецепция идей И. Канта в контексте минского интеллектуального пространства (вторая половина XIX в.) / А. А. Легчилин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2024. – № 2. – С. 12–19.

4. *Шалькевич, В. Ф.* Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта : труды междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – Ч. I. – С. 87–98.

5. Иммануил Кант и Беларусь (к 300-летию со дня рождения). – Минск : РИВШ, 2024. – 212 с.

6. *Грудницкий, Г. Д.* Проблема активности субъекта познания в немецкой философии второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. Д. Грудницкий. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1986.

7. *Грудніцкі, Р.* Нямецкая асвета і Кант (праблемы гнасеалогіі) / Р. Грудніцкі. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2006.

8. *Казарян, Э. Л.* Проблема активности чистых форм чувственного созерцания в гносеологии И. Канта : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Э. Л. Казарян. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1990.

9. *Семенов, Н. С.* Учение об идее и ее логическом содержании у Канта и Гегеля : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Семенов – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1987.

10. Философия И. Канта и современность : материалы Междунар. науч. конф., 19–20 ноября 2004 г. / ред. А. И. Зеленков, Т. Г. Румянцева, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков. – Минск : Технопринт, 2005.

11. *Румянцева, Т. Г.* Философия И. Канта (глоссарий) / Т. Г. Румянцева Минск : Белорус. гос. ун-т, 2004.

12. *Румянцева, Т. Г.* Немецкая трансцендентальная философия (середина XVIII – первая треть XIX в.) / Т. Г. Румянцева – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2008.

13. *Румянцева, Т. Г.* Трансформация Кантом стиля философского письма и ее влияние на последующее развитие западноевропейской философии / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2008. – № 2 (28). – С. 59–66.

14. *Румянцева, Т. Г.* М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта / Т. Г. Румянцева // Кантовский сборник. – 2010. – № 1 (31). – С. 41–49.
15. *Румянцева, Т. Г.* Э. Сведенборг и метафизика сверхчувственного // Кантовский сборник / Т. Г. Румянцева – 2011. – № 4 (38). – С. 7–17.
16. *Румянцева, Т. Г.* Немецкий идеализм: от Канта до Гегеля : учеб. пособие / Т. Г. Румянцева – Минск : Выш. Шк., 2015.
17. *Бархатков, А. И.* Критика кантовского понятия вещи в себе в философии С. Маймона / А. Ц. Бархатков // Философия и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 27–31.
18. *Познякова, О. Л.* Философия истории И. Канта : антропологические и социально-политические аспекты / О. Л. Познякова. – Минск : РИВШ, 2015.
19. *Ровбо, М. В.* Проблема трансцендентального субъекта и ее обоснование в критической философии И. Канта / М. В. Ровбо // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. – 2019. – № 2. – С. 9–14.
20. *Шуман, А. Н.* Трансцендентальная философия / А. Н. Шуман. – Минск : Экономпресс, 2002.
21. *Кант, И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия / И. Кант. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/kant.html> (дата обращения: 10.09.2024).